

Myronova, Halyna

Миромоделирующие возможности этнолингвистики

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1997, vol. 46, iss. A45, pp. [165]-173

ISBN 80-210-1606-X

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100175>

Access Date: 27. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ГАЛИНА МИРОНОВА

МИРОМОДЕЛИРУЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

Современные этнонациональные ситуации и процесс национального возрождения, характеризующиеся ростом национального сознания, повышенным интересом к источникам традиционной народной культуры и этнической истории, устремляют поиски многих ученых на раскрытие специфики менталитета и мировоззренческих концепций того или иного народа.

Самыми существенными в этом плане, на наш взгляд, являются достижения этнолингвистов, которые благодаря комплексному и интердисциплинарному характеру исследований пытаются всесторонне осветить вопросы, связанные с реконструкцией мировосприятия этносов.

Ученые обратили внимание на то, что методы реконструкции, выработанные сравнительно-историческим языкознанием, могут быть в полной мере приемлемы и для изучения материальной и духовной культуры, хотя конкретные приемы сравнения культурных и языковых фактов, естественно, не совпадают. В связи с этим предлагается различать **формальную** (историческую) реконструкцию, целью которой является восстановление конкретных текстов или их элементов, проектирующихся в праславянскую эпоху, и **семантическую** реконструкцию как способ воссоздания на базе реально засвидетельствованных данных картины/модели мира и возможность установления приемов отображения модели мировосприятия в культурных текстах.¹ Они (культурные тексты), сконденсировав и законсервировав в себе культурную информацию, принадлежавшую более поздним

¹ В данном случае речь идет о текстах именно в семиотическом, а не филологическом понимании слова, т.е. не только вербальных, но и обрядовых, музыкальных и т. п. См. подробнее: сб. Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. Москва, 1989, 3-4.

эпохам, и тем самым отобразив мир представлений народа (благодаря традиции, которую можно рассматривать как способ/инструмент сохранения и передачи культурных текстов во времени), могут служить источником сведений о древнейших когнитивных процессах наших предков, направленных на осмысление, классификацию и систематизацию окружающей действительности.

Существует достаточно доказательств того, что окружающий мир воспринимался древним человеком как единое органическое целое, все части которого мудро согласованы между собою. Сторонники такой космологии считали, что в мире не существует ничего случайного, все происходит в соответствии с необходимостью, благодаря непрерывной цепочке причинности. Фатальная предопределенность событий и процессов, действующих в природе, обуславливала веру в предвидение. Отсюда совершенно ясной становится и не случайность связи между звучанием слова и его значением (вспомним хотя бы учение стоиков).²

Мифологическая картина мира предполагает соответствие между предметом, вещью, явлением и их названием. Название предмета осмысливается, воспринимается как неотъемлемая часть его, потому что в именах должна раскрываться сущность вещей: имя «отзеркаливает» природу обозначаемой вещи. Следует учесть и мнение П. А. Флоренского и А. Ф. Лосева, считавших, что слово возникает как результат взаимодействия субъекта и объекта: «слово есть познающий субъект и познаваемый объект, сплетающимися энергиями которых оно держится, слово есть самая реальность» (Флоренский). «Слово – сама вещь, но в аспекте ее уразумленной явленности. Слово – не звук, но постигнутая вещь, с которой осмысленно общается человек. Слово есть сама вещь, понятая в разуме. Слово – энергия сущности, отмеченное слово становится фактом сознания» (Лосев).³

Отсюда и «речевая»/словесная магия; ведь осмыслить, осознать имя означает осознать вещь и наоборот: осознание предмета дает возможность правильно его назвать и таким образом «присвоить» (см. хотя бы такой факт у русских: девушки вплетали в косу цветочки *лпы*,

² Ср. мысль Ф. Буслаева: «Слово как верное выражение преданий и обрядов, событий и предметов, понималось в теснейшей связи с тем, что выражалось; названием запечатлевалось верование или событие, и из названия вновь возникали сказание или миф. Затерянное в отдаленных веках верование удерживало свое бытие в сохранившемся названии, намекавшем на утраченное... Язык становился верным орудием предания.» См. его же: «Изобразительность в наименовании духовных способностей произошла не от недостатка в словах и не от ограниченности самосознания, но от свежести воззрений на природу и от веры в тайное с нею общение человеческой души» (Буслаев, 8-9). Ср. также красноречивое высказывание В. Дорошевского: «Слова светятся отображенным светом вещей, и мы погасили бы этот свет, если бы захотели расшифровать систему языковых знаков, исследуя только отношения между словами, отрывая слова от тех раздражителей, условными рефлексам которых они являются» (Дорошевский, 109).

³ См. более подробно: Флоренский, П.А.: Мысль и язык. Москва, 1922; Лосев, А. Ф.: Философия имени. Москва, 1927.

чтобы юноши *липли* к ним (Шахнович, 55-56); ср. у украинцев: «у купіль хлопчика клали *любисток*, щоб *любили*; *чорнобривці*, щоб був *чорнобривий*; дівчаткам – калину, щоб *красна* була; *любисток*, щоб *люб'язна* була; яблуко *червонобоке*, щоб була *червоненька*).⁴

Если за словом стоит вещь, за предложением – факт, то естественно задать себе вопрос: а не стоит ли за языком – действительность? Мы полностью согласны с этим при условии такого дополнения: подобно тому, как между вещью и словом находится представление, а между фактом и предложением – мысль, так между действительностью и языком стоит мировоззрение (Х. Шухардт). Однако следует помнить замечание А. А. Потебни о том, что язык является способом не выражать готовую мысль, а создавать ее, он не отображение мировоззрения, которое уже сложилось, а деятельность, которая его составляет. Ведь, будучи исторической памятью народа, язык является одновременно его интеллектуальной и мыслительной деятельностью: поэтому «мы вправе принять третье знание, знание языковое, рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным и знанием научным, теоретическим» (И. А. Бодуэн де Куртенэ). Вышесказанное позволяет рассматривать язык как способ материализации мысли в двух планах: процессуальном и статическом.

Именно поэтому в номинативных/деривационных (можно и шире – любых творческих) процессах человек выступает одновременно как художник-творец и фотограф/интерпретатор окружающей действительности: с одной стороны, констатируя, отображая, а с другой, и прежде всего, «создавая», вкладывая в новообразование (знак той или другой семиотической системы/кода/текста) свое понимание сущности вещей, их взаимосвязи, в конечном счете, свое видение мира. Так, например, известно, что в крестьянской культуре славян к XIX – н. XX в. сохранялся «фрагментарный мифологизм». В частности, анализируя технологический процесс качества с помощью метода реконструкции отдельных элементов по следам («переживаниям»), обнаруживаемым в этнографической и фольклорной традиции украинцев, можно понять, почему *кручение* девушкой вертушки (одна из ткаческих операций) интерпретируется как желание, «чтобы так вокруг нее *крутились* хлопцы» (Боряк, 12). Небезынтересны в этом

4 Ср. у Бэкона: «Человек думает, что ум управляет его словами, но случается также, что слова имеют взаимное и возвратное влияние на наш разум. Слова, подобно татарскому луку, действуют обратно на самый мудрый разум, сильно путают и извращают мышление.» В связи с этим см., напр., в средние века родство кровное обозначали символом одноцветного платья, а родство побочное и сиротство – символом пестрого. На Руси *пестрота* также означает разладницу в браке; потому-то и не венчаются на *пестрой неделе*, откуда и поговорка: «От того и баба *пестра*, что на *пестрой* замуж пошла» (см. более подробно: Доп. и приложение к отдельным исследованиям и изданиям материалов, касающихся внутреннего быта России // Архив ист.-юрид. сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. Кн. I. Москва, 1850, 45.

смысле и рекомендации женам: «чтобы не дрался муж, нужно взять его старую рубашку, которую он уже не носит, выйти рано утром на порог или во двор, повернуться на восход, прочитав три раза «Отче наш», застегнуть рубашку на все пуговицы, положить пуговицами вверх, взяться за оба рукава и, *завязывая*, говорить: чтобы раб Божий (имя) не бил рабу Божью (имя), *завязываю* ему руки на 33 замка, на 33 запора, на 3 узла. Раб Божий (имя), *свяж*у тебе руки от драк от рабы Божей (имя) во веки веков. Аминь.» (Баширов, 27). На Украине женщины выполняют определенные магические действия с пауком в горшке: «Жінка кладе павука у горщик і приказує: як оцей павук *заснує*, кого *схочу*, той до мене *приснує*», или же: «Як павук на *вінцях буде*, то що *задумаю* – те й *буде*» (Українські чари, 13,7). Магические действия (**акциональный код/текст**) и словесные формулы (**вербальный код/текст**) могли возникнуть одновременно. В подтверждение вывода о существовании некогда словесной программы ритуала и самого ритуала как единого нерасчлененного целого приводит доводы и В. В. Иванов (Очерки, 5–6).

Стремление человека определенным образом упорядочить свои отношения с внешним миром (с одной стороны, чувствуя себя частью природы, а с другой, осознавая безграничность Вселенной, ее значимость, величие и свою незначимость, ничтожность, ему необходимо было защитить себя и свою семью от «не своего/чужого мира», ограничить бескрайность и тем самым взять «свое» под контроль), нашло воплощение в значительном количестве устойчивых формул (заговоры, пословицы, поговорки; см. хотя бы заговор, используемый при переходе в новый дом: «поставлю я около двора широкий тын, чтобы через этот тын ни лютый зверь не перескочил, ни гад не переполз, ни лихой человек ногой не переступил и дедушка лесной через него не заглядывал»), стимулировало формирование соответствующей терминологии важнейших реалий, которые обеспечивали существование и способствовали обустройству быта.

Старательное и последовательное создание нашими предками **номенов – терминов** для всех отверстий дома (шире – усадьбы: окна, двери, чердак, подвал, погреб, ворота и т.д.), а также одежды (подол, горловина, рукава) и наделение их (реалий) **сакральными свойствами** /свидетельством чего является не только система **обереговой** орнаментации на одежде, домашней утвари, дверях, окнах, крыше, воротах,⁵

⁵ Систему обереговой орнаментации обнаруживаем на реалиях одежды, бытовой утвари (вместилищах для добра – сусеках для зерна, сундуках, скринях для праздничной одежды и приданого девушек-невест), посуде, архитектурных деталях дома и усадьбы (см., напр., р. *обгонка* «кайма на скатерти, платке» и т.д.). Декорировались все проемы, отверстия, через которые могло проникнуть зло к человеку. Можно допустить, что во время создания слов укр. гуцул. *окіл* «огражденное место для овец в овчарских стойбищах» и *околот* «занавес на окна, двери» определенную роль сыграли ассоциативно-контаминационные связи с *кол* «острый» и *кольцо, коло* (ср. также: Рыбаков, Б. А.: Язычество древней Руси. Москва, 1987, 465, 502, 504, 506 и др.).

но и акции (действия) с ними или около них (названных реалий) в обусловленное время/, убеждает нас в существовании определенной идеи/мотива – доминанты, сформировавшей единое семантическое поле / фон /, обуславливавшее все эти действия (т.е. содействовавшей созданию определенных культурных текстов, которые необходимо современным исследователям «дешифровать», используя их для выявления характера связей верований и поверьев с типом хозяйства/хозяйствования, для проникновения в сферу народных наблюдений, отдельных сторон мифологического мироощущения, в конечном счете, для установления природы космогонических представлений, реконструкции концепции мировосприятия этноса).

Так, в частности, мотив всепроникающей, всепронизывающей идеи защиты от злых сил реализовался в создании человеком материальных оболочек (реалемных – жилище и одежда); он же (мотив) многократно воплощен не только в самой конструкции предметов (реалемный план) и обрядах (акциональный план), которые сопровождали их создание, но и в словесной форме (вербальный план) (см. хотя бы многочисленные дериваты названия платка: укр. *запінка*, *напінáчка*, *затяга́чка* «большой платок», ср. блр. *апіня́нка*, *апóнка* «т. ж.», р. *накрывáлка* «большая шаль», *наме́тка*, *обвя́зка* «платок на голову», одежды: *оку́та*, *оку́тка* или термины архитектурно-строительного дела: укр. *запор* «название окон и дверей на Буковине», *за́творка*, *затка́льница* «оконница», *за́твор* «отверстие улика», блр. *заста́ўні* «ворота» р. *за́крепки*, *закрoв* «затворы, ставни», *закрýвень*, *закрoби* «железные ставни» и др.). Определенный интерес в этом плане представляет анализ диалектных данных и употреблений глаголов с корнем – *кут* – / – *хут* – в р. яз. (по материалам ДАРЯ, карта 5). Кроме хорошо известных литературных употреблений *закутать ребенка*, *больного* вполне возможны *закутать/захутать окно*, *погреб*, *горшок*, *дверь*, *ворота*. Изредка на юге исследуемой территории используют глагол *закутать* в случае «убрать скотину на ночь, т.е. напоить и задать корм». Если на севере картографированной зоны значение «закрыть печь, трубу после топки» уточняется таким образом: *скутать* «замести печь, кончив ее топить и закрыть заслонкой», то на юге *скутала избушку* говорят «о черных избах, где после топки печи затыкали дыру в потолке».⁶

Можно предположить, что своеобразным оберегом /защитой/ был тот круг, которым очерчивал себя в каждом конкретном случае в древности человек (вспомним общеславянский обряд опахивания по-

⁶ См. еще: Войтенко, А. Ф.: Лексический атлас Московской области. Москва, 1991, 5, где лексема *закут* выступает синонимом к слову *теплушка* «помещение для мелкого скота».

Приведенные примеры свидетельствуют о семантической связи и ассоциативном восприятии слов *закут* «хлев, соломенный шалаш», *закуток* «теплый хлев» и (за)кутать, укутать «спрятать» вопреки предположению М. Фасмера (II, 76, 433).

селения во время моровых болезней, эпидемий,⁷ народные сказки, легенды, заговоры, обереги, гадания, поверья,⁸ визуализацию магического круга как профилактической защиты перед сном⁹ и реализацию этого же мотива писателями классической литературы, в частности, действия Хомы Брута, героя гоголевского «Вия», при отпевании ведьмы: «Философ видел его/гроб, в котором летала ведьма по церкви/почти над головою, но вместе с тем видел, что он не мог зацепить круга, им очерченного, и усилил свои заклинания».¹⁰ Этот же круг воплощен в ограде вокруг строения/дома (см. укр. колядку: «*Навкруги твого двора та залізниї тина*») или в самой конструкции всей усадьбы, отраженной в номенах (укр. *кру́глиця* «хозяйственное строение», гуцульское *гра́жда*, р. *ко́льчик* «маленький, красивый, уютный домик» и др.). Он же в аналогичных, кругоподобных танцевальных фигурах, свадебной обрядности (в частности, в обручальных кольцах, свадебном коровае, в форме курганов-захоронений).¹¹

Нельзя оставить без внимания этимологическое осмысление самого слова *коло* и его производных (*коло* генетически связано с гр. *πόλος* «ось, полюс, небо, оборот», а также литовским *kāklas* «шея», первоначально «то, что поворачивается»). Отсюда становится прозрачной семантика рус. *околёть*, укр. *коліти*, *околіти*, блр. *колёць* «делаться твердым, как кол; оцепенеть», перен. «умереть», т.е. совершить, завершить свой круг (ср. также *колёно* в значении «поколение» и т.д.).

Необходимы дополнительные усилия для установления этимологии слов р. *ка́лда*, *ка́лдас*, *ка́лдус* «открытый загон, скотный двор», связанных с *карда* «задний двор, загон для скота», заимствованного из чувашского *каҫда* «хлев», родственного татарскому *кirtá* «жердь, перекладина, ограда, граница» (Фасмер, II, 166, 196 – 197). Ведь и здесь возможно народное переосмысление заколдованного/заговоренного круга (ср. хотя бы укр. *колдбвина* «женщина-знахарка», *колдовать* первоначально «заговаривать, заклинать», родств. литовскому *kalba* «язык» и т.д.) (ЕСУМ, III, 508).

⁷ См. подробнее: Максимов, Нечистая, неведомая и крестная сила. Москва, 1989, 158-160.

⁸ См. напр.: «чтобы избавиться от черта, который прилетает к женщинам по ночам, надо сесть на порог, *очертиться кругом*» (там же, 135). См. также: Таниственные гадания и заговоры, собр. М. Забылиным. Москва, 1995, 30 (текст печатается по изд. 1880 г.).

⁹ См. подробнее: Методы астральной защиты русского человека. Москва, 1992, 36.

¹⁰ См. также у Мошинского о полешуках, работавших в глухих местах, на нивах, окруженных лесом, очерчивающих себя *кругом*, нацарапанным ножом; рисовали круг и головней (Moszyński K. *Kultura ludowa słowian*. T. 2. *Kultura duchowa*. Cz. 1. Warszawa, 1967, 322); ср. еще п. *obejście* и укр. *обійстя* «усадьба»; дословно «место, которое обходят кругом»; укр. *обійти* «обойти кругом, окружить».

¹¹ Следует обратить внимание на псл. *колаць* «хлеб круглой формы», эта общеславянская лексема выполняет в большинстве языков роль номена для обрядовой реалии, см. п. *kolacz*, схв. *кдлач*, слн. *koláč*, мак. *колак*; ср. ч.(мор.) *коло* «калач, который дается челяди за службу».

Мышление и язык выступают в равной степени дериватами в познавательной деятельности человека и в реализации им приобретенного опыта в разных формах культуры, позволяя моделировать новые конструкции (в широком понимании) либо используя «структурную память», т.е. готовые модели, ассоциированные с определенными (ставшими привычными) представлениями. Так, материалы древнерусского периода, диалектных источников и современных литературных языков свидетельствуют, что значительное количество названий одежды (как одной из защитных оболочек человека) обусловлено мотивационным признаком «обхватить, обернуть, спрятать, защитить» (см. хотя бы многочисленные производные от **odědja*, образованные с помощью префикса *o-*, означающего «вокруг», или *na-*, передающего пространственное значение «поверх чего-нибудь»). По этой же деривационной модели и мотивационному признаку построены *окрил, окрои, омет, намет, -ка*; заслуживают внимание также названия, которые означают одежду, защищающую важные части человеческого тела *оплечие, наплечки, нарамник, нарамница, остегница* и др.

Благодаря свойствам нашего сознания, отображающего саму действительность, отмечают исследователи, любое явление или отношение реализованное/воспринятое в опыте, не остается изолированным, а вводится в систему ранее осознанных связей и отношений, занимает в ней свое место. Это место определяется, во-первых, тем, с какими другими явлениями объединяется, сближается данное явление, а во-вторых, тем, каким другим явлениям оно противопоставляется, т.е. для выявления места обозначаемого предмета в системе опыта субъекта необходимо не только сравнивать материал с известным (тенденция к обобщению), но и различать его (тенденция к дифференциации). Вот почему психическим коррелятом будущей номинативной, реалемной или акциональной единицы выступает определенный комплекс ассоциаций, как результат того, что между мыслью и словом происходят когнитивные процессы, направленные на осмысление и классификацию реалий. Яркое свидетельство тому – действие законов аналогии, «являющейся могучим фактором развития и функционирования языка» (Кубрякова), и ассоциации. Ведь для того, чтобы «что-нибудь было наглядным, оно должно быть обычным» (Мандельштам). Именно поэтому становятся возможными семантические перевоплощения укр. *кажушка* «короткий мужской кожух, вид верхней женской одежды, шушун» (ср. блр. *кажуша/а/б/к* «короткая жакетка» в говорах Минской области, но «длинная мужская одежда» в Полоцкой) и *кожушка* в брянских говорах, где это слово употреблено в таком контексте: «Сначала дом делают с бревен, а сверху *кожушкой* покрывают – досками обшивают.»

Именно поэтому мифологическая и символическая нагрузка предметов, наделенных мотивациями, позволяющими проникнуть в их глубинный смысл, в конечном счете, проливает свет на осмысление их

народным сознанием. Так, напр., выяснено, что одно и то же содержание может быть передано элементами разных культурных кодов: **вербальным** (словесная, речевая магия), **акциональным** (выполнение определенных действий), **реалемным/предметным** (использование символического предмета), **темпоральным** (выбор времени для действия) и т.д. Относительно последнего следует заметить: результаты этнолингвистического анализа свидетельствуют о том, что совпадения в терминологии и сроках проведения определенного обряда редко бывают случайными. Так, напр., в «Месяцеслове» В. И. Даля *огурцы* рекомендується садить 18 мая на Ивана *Долгого* или 20 мая на Фалалея *Огуречника*. На Украине высаживали капусту 25 мая на Ивана *Головатого*, накрывали ее горшком (укр. *горщик*), произнося: «Щоб була туга, як камінець, *головата*, як *горщик*, а біла, як *платок*» (ср. у русских: при посадке капусты женщины должны быть в изодранной рубахе, им необходимо потуже стянуть волосы, чтобы на капусте было больше листьев, а кочаны были твердыми и гладкими, как туго причесанная женская голова, ибо «в драной рубахе капусту садить – к урожаю»). Сажая, следует приговаривать: «Не будь голенаста, будь пузата, Не будь пустая, будь тугая, Не будь красна, будь вкусна, Не будь стара, будь молода, Не будь мала, будь велика» (Шахнович, 55–56). Реализация одной идеи в разноплановых культурных текстах (своеобразное нанизывание непохожих по характеру, но целенаправленных действий) иллюстрирует сущность магического приема, который обязан привести к желаемому результату.

Таким образом, синтетизм подхода, лежащий в основе этнолингвистических исследований, учет семантической доминанты/стимулятора появления разных культурных текстов/кодов обеспечивает выход на интересные обобщения в моделировании славянского мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

- БАШИРОВ, В.: Исцеляющие и защитные молитвы, заговоры и обереги. Киев, 1995.
- БОРЯК, Е. А.: Традиционные знания, обряды и верования украинцев, связанные с ткачеством (сер. XIX – н. XX в.). АКД. Ленинград, 1989.
- БУСЛАЕВ, Ф.: О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию. Москва, 1848.
- ДОРОШЕВСКИЙ, В.: Элементы лексикологии и семиотики. Москва, 1973. ЕСУМ: Етимологічний словник української мови, в 7 т. Під заг. ред. О. С. Мельничука. Т. III, Київ, 1989.
- МАКСИМОВ, С.: Нечистая, неведомая и крестная сила. Москва, 1989.
- Очерки по семиотике в СССР. Москва, 1976.
- ФАСМЕР, М.: Этимологический словарь русского языка. В 4-х т./ пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд. 2, стереотип. Т. II. Москва, 1986.
- Українські чари. Київ, 1994.
- ШАХНОВИЧ, М. И.: Приметы верные и суеверные. Ленинград, 1984.

MOŽNOSTI ETNOLINGVISTIKY PŘI UTVÁŘENÍ PŘEDSTAV O SVĚTĚ

Autorka článku se snaží pomocí etnolingvistické metodiky stanovit nové motivační vztahy mezi denotátem a jeho jménem; odhalit izomorfismus a izofunkčnost v reliktech sémantického a reálného plánu; správně pochopit vzájemnou podmíněnost a vzájemnou stimulaci různě zaměřených tvůrčích procesů člověka, které se opírají o tradici jako způsob uchování a předání kulturních textů v mezigeneračním prostoru; a nakonec – proniknout do hloubky národního vědomí.

Halina Mironova
Ústav slavistiky
Filozofické fakulty MU
Arna Nováka 1
660 88 Brno

